

ПАРАДОКСЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕОНИД МИЛОВ
АНДРЕЙ ПАРШЕВ

ПОЧЕМУ
РОССИЯ
НЕ СТАЛА
ЕВРОПОЙ

Парадоксы русской истории

Андрей Паршев

Почему Россия не стала Европой

«Алгоритм»

Паршев А. П.

Почему Россия не стала Европой / А. П. Паршев — «Алгоритм»,
— (Парадоксы русской истории)

Леонид Васильевич Милов был профессором исторического факультета МГУ, академиком РАН. Андрей Петрович Паршев — российский публицист, автор известных в России книг «Почему Россия не Америка», «Почему Америка наступает». Л.В. Милов и А.П. Паршев первыми среди российских исследователей обратились к важнейшим вопросам российской истории, ускользавшим до сих пор по тем или иным причинам от внимания ученых-историков. Основная заслуга авторов в том, что им удалось выявить влияние природно-климатического фактора на экономику России, социальный строй и российскую государственность в целом, то есть речь идет о создании некоей модели социума и его специфических черт. Об этом идет речь в книге, представленной вашему вниманию. После ее прочтения становится ясно, почему Россия так и не стала в полной мере европейской страной, была и будет самобытным государством.

УДК 355/359
ББК 63.3

© Паршев А. П.
© Алгоритм

Содержание

Л.В. Милов	6
Предисловие	6
Мачеха природа (тупик или развитие)	10
Механизмы выживания	14
О происхождении крепостничества	19
Особенности генезиса капитализма в России	21
Крупное производство под опекой государства	25
Характеристика российской государственности	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Леонид Милов

Почему Россия не стала Европой

© Паршев А.П.

© Милов Л.В., правообладатели

© ООО «Издательство Алгоритм», 2016

Л.В. Милов

Россия – социум особого типа (из книги «Великорусский пахарь»)

Предисловие

Главной особенностью территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития является крайне ограниченный срок для полевых работ. Так называемый «беспашенный период», равный семи месяцам, фиксируется в государственной документации еще в XVII столетии. Иначе говоря, на протяжении многих веков русский крестьянин имел для земледельческих работ (с учетом запрета работ по воскресным дням) примерно 130 дней. К тому же из них на сенокос уходило около 30 дней. В итоге одנותягловый крестьянин (то есть имеющий семью из 4 человек) имел для пашенных работ около 100 рабочих дней. Для сравнения напомним, что в крупном (монастырском) хозяйстве в середине XVIII в. на десятину пашни (на все виды работ) расходовалось 59,5 чел. – дней и примерно столько же шло на гектар пашни в фермерских хозяйствах Севера Франции того же времени. Из них только на обработку земли тратилось 39–42 чел. – дня. Однако, делая такие затраты труда, французский фермер располагал десятью месяцами рабочего времени в год, а в Центральной России этот срок был вдвое меньше. Поэтому здесь только крупное феодальное хозяйство за этот срок, обладая возможностью концентрации барщинной рабочей силы для летних работ, могло выполнить весь минимально необходимый с точки зрения норм агрикультуры комплекс работ. Что же касается крестьянина, то он располагал в расчете на десятину пашни лишь 22—23-мя рабочими днями на все виды пахотных работ (а если он был на барщине, то временем, вдвое меньшим).

Отсюда идут все беды русского крестьянина: он мог нормально обработать лишь крайне небольшой участок пашни. Если же он должен был непременно его увеличить, то мог сделать это исключительно за счет сна и отдыха и за счет привлечения труда детей и стариков. Второй вариант расширения мизерной пашни мог быть реализован лишь за счет резкого снижения уровня агрикультуры (вплоть до разброса семян по непаханному полю), что вело к низкой и очень низкой урожайности, выпашанности почвы и постоянной угрозе голода, который в России был весьма частым гостем. Столь трагическая ситуация усугублялась тягчайшими условиями развития скотоводства, главным из которых был необычайно длительный (до 7 месяцев) период стойлового содержания скота, что требовало больших запасов кормов. А ведь период заготовки кормов буквально втискивался в напряженный и сжатый по времени цикл полевых работ и поэтому был крайне ограничен (20–30 суток). Отсюда горький парадокс российского Нечерноземья: обширные пространства, луга, перелески, а корма практически мало (и это в основном солома), поэтому и скота было мало, и удобрений для полей было очень мало, не говоря уже о пищевых ресурсах скотоводства, возможности сбыта его продукции и т. д.

Важнейшим следствием этих обстоятельств явилось широкое распространение с самых древних времен архаических приемов земледелия, становление не классического трехполья паровой системы земледелия, а некоей комбинации трехполья с периодическим забрасыванием пашни в перелог или залежь. Правда, наряду с этим наблюдается и многообразие и гибкость крестьянского опыта, его тонкий учет тех или иных местных специфических условий. В Нечерноземье важнейшим резервом крестьянского хозяйства были лесные, кратковременно используемые рощи.

Описанная ситуация сказывалась на всем укладе жизни великорусского пахаря, охарактеризовать который в сжатом виде можно как «мобилизационно-кризисный режим выживаемости общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта». Весь быт земледельца был пронизан стремлением к крайней экономии ресурсов и времени, что отчетливо отражает исследованный в книге характер жилища, одежды, пищи, психологии сельского жителя и т. д.

Дефицит рабочего времени в цикле полевых работ вытеснил такой вид земледелия, как огородничество и садоводство, в русские города. Статус посадского человека, горожанина позволял здесь резко повысить интенсификацию земледельческого производства, что очень рано способствовало развитию торгового огородничества и садоводства, становлению хитроумных технологий выращивания теплолюбивых культур в суровых условиях исторического центра России.

Названные выше обстоятельства и прежде всего объективно складывающиеся весьма ограниченные возможности интенсификации труда вели к тому, что урожайность в целом по стране колебалась вокруг минимального уровня «сам-3», несмотря на отчаянные усилия великорусского пахаря добиться повышения этого уровня. Наиболее показательно, что чистый сбор на душу сельского населения в 40-х годах XIX в. был равен в среднем 23,2 пуда, а в 50-х годах – 21,2 пуда. И даже в самом конце XIX в. душевой сбор в расчете на все население страны, включая картофель, был равен лишь 21,5 пуда (при тогдашней норме 24 пуда на человека).

Внешний и внутренний рынки зерна создавались лишь за счет «внутренних резервов» крестьянского двора, то есть жесткого ограничения потребностей людей. При этом в XVIII в. себестоимость продукции полеводства была примерно вдвое выше ее рыночной цены при идеально высоком уровне урожайности. А при реально низких урожаях себестоимость могла быть втрое и даже впятеро выше рыночной цены. И не случайно, что в таких условиях прирост населения страны в решающей своей части поглощался сферой земледельческого производства. Будучи сугубо экстенсивным, оно распространялось на всё новые и новые территории. Именно этот фактор лежал в основе многовекового движения русского населения на юг и юго-восток Европейской России, где были более плодородные земли, хотя и постоянно подвергавшиеся нашествию засухи.

Всё это, казалось бы, создавало условия для существования в этом регионе Европы лишь сравнительно примитивного земледельческого общества. Однако неумолимые, прежде всего геополитические, факторы, диктуя потребности более или менее гармоничного развития социума, вызывали к жизни и порождали своего рода компенсационные механизмы, и им в книге посвящен особый раздел.

Крайняя слабость индивидуального крестьянского хозяйства в условиях Восточно-Европейской равнины была компенсирована громадной ролью общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности. Ограниченный объем совокупного прибавочного продукта в конечном счете создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного труда. Однако задача достижения гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения, как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Однако на пути этой «оптимизации», то есть объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община – оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления этой эксплуатации.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее грубые и жестокие политические механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда исторически обусловлено и появление крепостничества как наиболее реальной для этого региона Европы формы функционирования феодальной собственности на землю. Режим крепостничества сумел нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В книге подробно исследован на актовом материале XV–XVI вв. весьма не простой путь становления режима крепостного права как явления, порожденного не только ситуативными моментами (хозяйственное разорение, борьба за рабочие руки и т. п.), но и фундаментальными, непреходящими для феодального социума факторами (такими как природно-климатические условия, минимальный объем совокупного прибавочного продукта, неизбежность существования общины). В свою очередь, режим крепостничества в России стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия, имеющего глубокие исторические корни. В итоге такого рода «оптимизации» объема совокупного прибавочного продукта режим крепостничества, в свою очередь, породил и компенсационные (патерналистского типа) механизмы выживания, которые тесно переплетались с общинными механизмами выживания.

Характерной особенностью российской государственности помимо жестокого политического режима власти является необычайно сильное развитие ее хозяйственно-экономической функции. Потребность в деспотической власти исторически лишь на ранних этапах была обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом, внешняя опасность, задачи объединения русских княжеств и т. п.). В дальнейшем этот режим существеннейшим образом был обоснован экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества – это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленного и промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии экстенсивного типа и их острое отсутствие в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». Это и строительство пограничных крепостей-городов, грандиозных оборонительных сооружений в виде засечных полос, строительство и организация крупных металлургических производств, огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без постоянных своего рода «депортаций» в те или иные районы страны мастеров-металлургов, оружейников, каменщиков, купцов и т. п., наконец, без особого обширного государственного сектора экономики совершить это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, исторически сложившейся ее огромной территории функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории.

Реализация всех этих функций феноменальна сама по себе, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования государственной надстройки над компонентами базисного характера. Господствующий класс и так называемое неподатное сословие даже в петровскую эпоху составляли не более 6–7% от населения страны (к 1861 году этот процент был около 12 %). Основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей струк-

туры самоорганизации общества, которая неизбежно носила упрощенный характер. И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи резче всего, помимо организационно-экономической, проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги управления уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая функция общины еще более усиливала ее как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счете необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении. Этот сложный и длительный процесс становления и укрепления феодальной земельной собственности так и не довел (вплоть до 1861 года) земельное владение дворянина до уровня полной частной собственности. Решающую роль в этом сыграли неистребимые традиции общинного землепользования, как, впрочем, и вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства.

Вместе с тем выдающаяся роль государства в промышленном развитии страны способствовала гигантскому скачку в развитии производительных сил страны, хотя заимствование «западных технологий» архаическим социумом дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект в лице огромной категории рабочих, навсегда прикрепленных к фабрикам и заводам (так называемые «вечно отданные»).

В то же время чисто эволюционное развитие процесса отделения промышленности от земледелия в российских природно-климатических условиях имело в течение столетий лишь слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им относительно высоким уровнем оплаты труда, сочетающимся с господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления (а, следовательно, и укрупнения мелкого производства). В работе исследованы основные отрасли хозяйства, в которых в период XVII – начала XVIII в. роль неадекватных форм капитала была весьма существенна. В силу этих обстоятельств в России в целом уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал по своим размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами. Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро (по сравнению с прошлым) развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стало развиваться в силу высокой стоимости всей инфраструктуры народного хозяйства прежде всего крупное промышленное производство (на начало XX в. составлявшее более 70 % предприятий), почти тотчас охваченное процессами монополизации. Думается, что природно-географический фактор и, в первую очередь, необъятное пространство России сыграли в этом деле далеко не последнюю роль.

Названные и рассмотренные в книге моменты, характеризующие особые черты российской государственности, были исторически неизбежны и породили в конечном счете своеобразие и самого российского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида». В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих, самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для удовлетворения их гораздо сложнее и хуже. Стало быть, объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в основных западноевропейских социумах. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах.

Мачеха природа (тупик или развитие)

Коварство нашей природы не ограничивается коротким сезоном земледельческих работ, оно в еще большей мере проявляется в том, что в России часто наблюдается полное отсутствие корреляции между затратами труда и получаемым урожаем. Конечно, низкие урожаи были следствием вынужденно низкой агрикультуры крестьянского земледелия, но в гораздо большей степени они были следствием капризов мачехи-природы.

Идеальная, по крестьянским понятиям, погода – это в меру теплое и влажное («благо-растворенное») лето. Но подобное лето – редкое событие. В Нечерноземье такие культуры, как пшеница (в том числе и пшеница-лебянка), греча, конопля, не вполне вызревали от недостатка тепла («требуется более теплоты»). Кроме того, пшеница побивается «мглою», «от поднимающихся от болотных рос». Вообще в Нечерноземье «много вредят хлебу» «влажные пары, поднимающиеся от озер и болот».

Но особой бедой были и дождливая затяжная непогода, когда замедлялся рост растений, и нередкие засухи. На огромных пространствах, где преобладали глинистые, суглинистые и иловатые почвы, «в жаркое время делается на поверхности пашни корка, а в дождь... вода, непроходящая сквозь глину, отнимает... от хлебного корня влажность и умножает оную непомерно. От чего корень, лишаясь части питательных соков, производит тонкий стебель и мелкий колос».

Завершает этот сложный узел парадоксов обилие неплодородных и просто худых почв.

Столь суровые, неблагоприятные условия хозяйствования, действовавшие в течение многих столетий, безусловно, закалили великорусов, превратив их в великую нацию тружеников. И там, где люди могли противостоять естественным законам природы, они проявляли не только упорный труд, но незаурядную изобретательность и находчивость.

Но совсем иное дело пашенное полевое земледелие. Здесь многовековая борьба великорусского пахаря с природой не давала такого эффекта, как в городском огородничестве с его хитроумными парниками, садами и т. п.

В этой связи весьма интересны наблюдения и оценки князя М.М. Щербатова – русского историка, экономиста, публициста, депутата Комиссии о новом Уложении, члена Комиссии о коммерции и президента Камер-коллегии. В 60—80-е годы XVIII в. он неустанно бьет тревогу по поводу кризисного состояния сельского хозяйства страны. В послевоенной историографии за М.М. Щербатовым прочно закрепилась слава заскорузлого консерватора, ярого защитника крепостничества, ретрограда и т. д. Между тем М.М. Щербатов был личностью далеко не столь однозначно примитивной. Он прекрасно знал европейскую литературу, в том числе и работы выдающихся представителей французского Просвещения, но при этом он хорошо знал реальное состояние страны, положение крестьян и сельского хозяйства в целом. Благодаря работам французских просветителей М.М. Щербатов обращал пристальное внимание на специфику природно-климатических условий России и губительное влияние их на состояние земледелия страны. Отсюда его резкая оценка эффективности труда земледельца как чрезвычайно низкой. Как знаток экономики земледелия и практик-помещик, он предпринял в одной из своих работ общую, хотя и приблизительную оценку эффективности земледелия страны. Численность ее населения была приравнена им к 18 млн душ обоего пола, то есть несколько занижена, ибо в момент этого расчета (конец 60-х годов) она была ближе к 23 млн душ обоего пола.

Число работников в земледелии М.М. Щербатов оценивает примерно в 3 млн чел., площадь, засеваемую каждым из них, в 6 десятин. При общем высеве в 96 млн четвериков (пудов) и урожайности не ниже сам-5 общий сбор ржи оценивается им в 480 млн четвериков ржи и 144 млн четвериков яровых, а чистый сбор в 504 млн четвериков. Из них на пита-

ние, исходя из расчета в 24 четверика в год на человека (24 пуда), ежегодно должно уходить 432 млн четвериков. Остаток или излишек равен, таким образом, всего 72 млн четвериков, или по 4 четверика (пуда) на человека. Эта величина настолько ничтожна, что при малейшем снижении урожая населению страны угрожала нехватка зерна даже для минимальной нормы питания.

В расчетах М.М. Щербатова много неточностей, но они, так сказать, взаимно погашают друг друга (занижено число пахарей, но завышена площадь обрабатываемой ими пашни и т. д.). Приблизительность своих расчетов признает и сам М.М. Щербатов: «Независимо даже от преувеличения нами расчета в исчислении полученного продукта и преуменьшения в исчислении населения, в случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод».

В нашем распоряжении есть типичный бюджет 80-х годов XVIII в., сделанный «по расчислению нескольких лет на каждый год». Это бюджет крестьянина «посредственного состояния» с женою и двумя детьми, «живущего домом»⁴⁹. В год ему «потребно»:

1. На подати и расходы домашние и на избу и на прочее строение – 4 руб. 50 коп. с половиною.
 2. На подушный оброк за себя и за малолетнего своего сына – 7 руб. 49 коп.
 3. На соль – 70 коп.
 4. На упряжку и конскую сбрую – 1 руб. 95 коп. с половиною.
 5. На шапку, шляпу, рукавицы и проч. – 97 коп. с половиною.
 6. На земледельные инструменты и всякие железные вещи и деревянную посуду – 4 руб. 21 коп.
 7. На церковь – 60 коп.
 8. Для жены и детей – 3 руб.
 9. На непредвиденные расходы – 3 руб.
- Итого – 26 руб. 43 коп. с половиною.

Даже если из числа расходных статей исключить «страховой фонд» в 3 руб. и сократить расход на женщин и детей вполнину, то все равно останется сумма, даже не сопоставимая с доходами от продажи продуктов крестьянского хозяйства. По сравнению с реальными потребностями они выглядят просто смехотворными.

В конце концов, крестьянский двор беднел, хозяин его терял волю и упорство. Уровень реальной жизни большей частью, по-видимому, располагался между крайней бедностью и состоянием выживания, когда хозяин, применяя всевозможные «крестьянские извороты», поддерживал на плаву свой двор и семью. В конечном же счете речь должна идти о крайне низком уровне земледельческого производства в целом для Европейской России и в особенности для территории ее исторического ядра. Земледелие здесь практически едва осуществляло функцию простого воспроизводства.

Оценивая в целом возможности крестьянского хозяйства к концу XVIII в., А.Т. Болотов писал: «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием». «Крестьянин, не имеющий в своей семье работников, никогда не мог засеять свою пашню в способное время и для этого (из-за этого. – Л. М.) у него всегда был недород», «незажиточному крестьянину недоставало времени вспахать все свое поле», «имея одну негодную или две лошади, [крестьяне] с нуждою землю свою вспахать могут» – такие оценки давали основной массе крестьян XVIII в. современники.

* * *

Ситуация с развитием земледельческого производства в первой половине XIX в. была не лучше.

Первый же важнейший вывод буквально ошеломляет. Средний высев в пределах территорий русских губерний не только не увеличился, но, может быть, даже уменьшился (в 1802–1811 гг. 5,54 чтв., а в 1841–1850 гг. 5,13 чтв.). За этими сухими цифрами стоит трагичная судьба русского крестьянства. Надо осознать, путем какого огромного напряжения сил нашему земледельцу доставалась каждая четверть зерна. И в XVIII веке, и много раньше сельскохозяйственная пора – это «страда», страдание, тяжелый надрывный труд. Ведь русский пахарь всегда работал на пределе своих возможностей. И тем не менее, шли десятилетия, а площадь посева в расчете на тягло оставалась та же.

В советской историографии все исходные данные, которыми мы оперируем, были известны, но на них смотрели только как на свидетельства губительного воздействия на экономику крестьянского хозяйства жесточайшего крепостного права. Один из образованнейших людей конца XVIII в., И.Г. Георги писал, правда, с известной долей лакировки, следующее: «Крестьянин каждый имеет собственность, не законом утвержденную, но всеобщим обычаем, который имеет силу не меньшую закона». При условии выплаты в той или иной форме ренты все, что «крестьянин вырабатывает или ремеслом своим достает, остается точно ему принадлежащим, тем владеет он во всю жизнь свою спокойно, отдает в приданое за дочерьми, оставляет в наследие своим сыновьям и родственникам по воле своей невозбранно. Без такой свободы и безопасности не мог бы крестьянин наживать по 100 тысяч рублей и более капитала. Собственность крестьянина состоит в его доме, имении, скоте и земле, сколько ему наделу с прочими той деревни крестьянами достанется, а приобретение его зависит от его рук, досужества, проворства и рачения».

Из слов этого современника, по крайней мере, следует, что, будучи «крещеной собственностью», крестьянин тем не менее оставался собственником жизненных средств. Но в отличие от промысловика, земледелец редко богател именно вследствие того, что земледелие в пределах исторического ядра Российского государства имело жестко ограниченные мачехой-природой рамки.

В предреформенное десятилетие, как уже говорилось, общая тенденция развития земледелия была связана со снижением производства. При этом в некоторых нечерноземных губерниях оно явно сопровождается переключением крестьян на промысловые занятия (в Московской губернии высевы за 50 лет упали с 5,04 чтв. до 3,84 чтв. на тягло, в Пермской губ. произошло снижение с 5 чтв. до 3,56 чтв. на тягло). Видимо, то же происходило и в Петербургской губернии, где к 1861 году высев упал до 2,16 чтв. на тягло. Однако весьма важно, что в главнейших местах сосредоточения крестьянской промышленной деятельности (в Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Калужской губерниях) высев не снизился, а кое-где несколько вырос, хотя и очень незначительно. Это обстоятельство весьма красноречиво, ибо оно свидетельствует о том, что в XVIII–XIX вв. процесс общественного разделения труда (отделения промышленности от земледелия) совершался в крайних, болезненных формах. Крестьяне переключались на промысловые занятия не потому, что в земледелии в итоге роста производительности труда, интенсификации агропроизводства появлялись излишние людские ресурсы, как можно было бы полагать, не зная материала. Напротив, земледельческое производство в Промышленном Центре России оставалось по-прежнему общественно необходимым, и общество нуждалось в этой продукции. Но крайне неэффективное земледелие не способно было прокормить земледельцев, и это толкало их в города, на каналы, на фабрики, способствовало возникновению крестьянского ремесленного произ-

водства. Товарный хлеб в России – это дар капризной Природы. И товарное зерно и винокурение – это в существеннейшей мере итог дальнейшего снижения уровня питания. Дореформенный рынок – это рынок продажи хлеба из нужды, хотя независимо от этих мотивов он служил ареной действия законов товарного производства.

После реформы 1861 года товарный рынок внутри страны и экспорт зерна по-прежнему росли в значительной мере за счет суровой экономии потребления. Еще в 1888 г. правительственная комиссия специального назначения фиксировала, что в России крупные и мелкие хозяйства «стали продавать свои продукты в искусственно больших размерах, не руководствуясь ни положением цен, ни уровнем собственных потребностей».

Больше того, в связи с реформой 1861 г. положение крестьянства сильно изменилось. Произошло резкое обеднение основной массы крестьянства. Начался новый этап в истории русского крестьянства, этап развития капитализма, который обострил так называемое аграрное перенаселение. Однако перенаселение это было в стране, едва покрывающей своим зерновым производством самые необходимые потребности населения.

Подводя итог развития хлебного баланса страны, мы еще раз убеждаемся, что Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание, – все это находится, казалось бы, в очевидном противоречии с выдающейся судьбой Русского государства, поднявшегося в конце XIV в. на борьбу с золотоордынским игом и, пройдя через жесточайшие испытания, к концу XVIII столетия ставшего одной из самых могучих держав Европы.

Тем не менее в основе такого пути лежит специфика российского социума, заложенные в его социальной и политической структуре некие компенсационные механизмы выживания, позволявшие России, хотя и сравнительно медленно, с большими социальными издержками, двигаться по пути прогресса, имея на себе «вериги» вечной отсталости земледельческого производства.

В связи с этим представляется немаловажным попытаться раскрыть ряд особенностей исторического развития страны как общества, обладавшего из века в век лишь необходимым минимумом совокупного прибавочного продукта.

Механизмы выживания

На наш взгляд, в истории российского общества наиболее ярко проявили себя два главных компонента механизма «выживания» – община и система крепостного права. Причем, если первый из них действовал преимущественно на микроуровне (волостная, деревенская община), то второй существеннейшим образом определял характер и структуру общества в целом, одновременно являясь орудием эксплуатации.

Как известно, сельская община обладала феноменальной приспособляемостью к различным социальным условиям и к типам рент. Однако практически она всегда осуществляла и социальные и производственные функции посредством регулировки и управления механизмом перераспределения и использования надельной земли и удержания хозяйственно-бытового распорядка жизни. При всей мощи власти помещика-крепостника община и ее решения были необходимым компонентом вотчинной системы управления. Многочисленные для XVIII – начала XIX в. «наставления», «уложения», «учреждения», инструкции помещиков практически всегда предполагали право общины решать вопросы крестьянского землепользования и обеспечения тяглом, хотя помещик стремился направлять эти решения в своих интересах. В крупных поместьях, там, где формировались сложные общины, стремление деревенских общин сохранить за собой «свои» земли сталкивалось с политикой вотчинных управителей в реализации принципа уравнительности по имущественному состоянию крестьян путем систематической тягловой переоборочки. Однако при «уравнивании» деревень перераспределения угодий чаще всего носили «временный» характер, ибо традиция всегда числила за той или иной деревней «ее» владения. Впрочем, уже в XIX в., когда прибыль от продажи хлеба стала всепоглощающей целью барина, он не всегда уже останавливался перед незыблемостью этих традиций.

В обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, каким и была Россия, на первом месте безусловно стояла проблема увеличения объема этого прибавочного продукта. Но одновременно для господствовавшего класса не менее важна была задача удержания основной массы производителей от разорения и гибели вследствие и воздействия природно-климатического фактора, и объективно необходимого ужесточения эксплуатации. В этой связи проблема выживания крестьянского индивидуального хозяйства была актуальна и для общины, основное предназначение которой в этом и заключалось. Именно в силу этой причины и усиливались демократизм общины и ее власть на все категории земель.

Обращение к материалам помещичьих инструкций может дать вполне определенное представление о том режиме и механизме регулирования жизни и труда российских земледельцев, который в недавнем прошлом оценивался лишь как жесточайший режим крепостничества. Разумеется, такая оценка вполне справедлива, ибо крепостничество – это режим грубой и суровой эксплуатации крестьянина. Но вместе с тем подобный взгляд страдает и односторонностью.

Рассмотрим основные «зоны внимания» создателей названных инструкций, сосуществующие рядом с главной заботой помещиков: изъятием феодальной ренты в любых формах ее проявления. Во-первых, в ряде инструкций четко прослеживается борьба с бедностью. Поскольку parcelное хозяйство в России и его благополучие зависели от тысячи разного рода обстоятельств и случайностей, то оскудение и нищета были постоянной угрозой для крестьян. Эволюционируя многие столетия как почти чисто земледельческое общество, при слабом развитии процесса общественного разделения труда, российский социум (и прежде всего его господствующий класс) был крайне заинтересован в сохранении жизнедеятельности буквально каждого деревенского двора, ибо разорение крестьянина не пере-

ключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на само общество. Заинтересованность в этом усиливалась низкой эффективностью земледелия, что, в свою очередь, постоянно обостряло нужду во все новых и новых рабочих руках.

Отсюда практически общий принцип верстания крестьян тяглом: «чтоб бедные тяглом отягчены не были». Наиболее дальновидные помещики почувствовали эту опасность еще при проведении первой ревизии. В частности, Артемий Волынский в инструкции Ивану Немчинову (1724 г.) писал: «И хотя ныне и учинена подушная перепись, и собираются подати поголовно, однако ж есть некоторые мужики в семьях многолюдны, а зело бедны, к тому ж и детей имеют малолетних, а другие, заводные, имеют у себя мало в семье мужеска полу. Того ради, есть ли не верстая их против тягол, а платить подати с голов так, что, у кого в семье есть мужеска полу, то, конечно, семьянистые и бедные в один год пропасть могут. А то [в итоге] подать вся ляжет на одних оставших. И тако и последние принуждены будут нищими быть, и, оставя свои дома, бежать». Вывод был однозначным: верстать не по мужским «головам», а по тяглам.

В инструкции Ивана Ивановича Шувалова управителю села Мыт Владимирской губернии проводится идея уравнивания на своего рода макроуровне (1795–1797 гг.): «Землю уравнивать так, чтобы одна деревня против другой не имела в излишестве земли и выплачивала бездоимочно за оную подать». Наконец, отметим, что и в инструкции, написанной от имени Екатерины II титулярному советнику Андрею Шестакову по управлению селом Бобрики с деревнями, что в Каширском уезде, сказано: «А крестьянские покосы отдать в раздел по тяглам... по равному числу, чтоб один перед другим обижен не был», да и тяглом здесь верстали «против одиноких ровно, по числу людей».

Стремлению помещика разверстать тягло не только по наличию мужских душ, но и по тягლოსпособности активно содействовала и крестьянская община своей системой мирского расклада тягла («переверстку тягол чинить с мирского приговора между собою, самим»). При этом действовала система круговой поруки или ответственности общины за неплательщиков. В Учреждении А. Румянцева механизм этой помощи выглядел следующим образом: «За нерачительными о себе (то есть «неумехами». – Л. М.) крестьяны первостатейным, соцким, пятидесяцким и десяцким накрепко смотреть, чтоб оные земель своих без посева не покидали, или исполу сторонним не сеяли и в прочем дом свой не разоряли, в котором случае за всякой неплатеж государственных и моих доходов взыскивать с тех первостатейных, соцких, пятидесяцких и десяцких. И для того за два месяца до севу ярового хлеба таковым осматривать и в случае настоящих невозможностей, в чем они не сами притчиною, именныя списки с прописанием, кому что по тяглу высевать потребно, представлять первостатейным и соцким к вотчинным делам... где ж, по усмотрению моему, из моего хлеба выдать прикажу».

По инструкции конца XVIII в. гр. В.Г. Орлова («Уложение» для с. Поречье Ростовского у.) вызволение бедных из нищеты возложено прямо на прожиточных: «Для облегчения бедных и маломочных наблюдать следующий порядок: с семейств их снимать приличное число «душ», а земли от них за снятые «души» отнюдь не отбирать, дабы они, пользуясь оною безо всякой платы, могли поправиться». «Кто владел землею на 3 «души» и положено будет снять с него «душу», или две, или все три, в таком случае владеть ему землею на одну или на две или на все три без всякой платы за нее. И сии снятые «души» накладывать на прожиточных... Сие облегчение сделать бедным не в одном моем оброке, но и во всех податях государственных, и во всех необходимых и чрезвычайных мирских расходах».

Конечная цель таких мер емко сформулирована в инструкции управляющим дворцовыми волостями (1731 г.): «дабы были крестьянские тягла людством и работою удовольствованы».

Важнейшим моментом в системе мер по выживанию были помещичьи ссуды натурой: зерном, скотом или птицею. Это не было со стороны помещика актом некоей благотворительности, так как через год или два ссуда возвращалась, а иногда и с прибылью. Однако данная вовремя ссуда позволяла выжить попавшим в беду крестьянам. Так, в инструкции Артемия Волынского предписывается: «По вся годы (то есть в удобных, необходимых случаях. — Л. М.) свидетельствовать бедных мужиков, от чего он обеднял, а ежели не от лености, не от пьянства припала ему скудость, — таких ссужать хлебом всяким», «и когда потом поспеет хлеб, оной, данной ему, от него взять, а прибыль ему отдать». «И так во всех деревнях ссужать крестьян...» «Тако же хотя которые от своего непотребства и от лености обнищали, и тех ссужать. Однако ж — с наказанием, дабы впредь даром хлеба есть не повадно было».

В.Н. Татищев считал практику ссуд крестьянам обычным делом: «Крестьяном на племя давать корову, овцу, свинью, гусей пару, уток пару, индеек пару и чрез год с каждого тягла собирать масла 20 ф., барана кладеного, борова... птиц... или деньгами».

Наконец, в помощи бедным и оскудевшим крестьянам иногда помещик выступал вместе с крестьянской общиной. Например, в инструкции П.Б. Шереметева (и кн. А.М. Черкасского, 1719 г.) предусматривается помощь «оскудалым» крестьянам в следующей форме: «Которые крестьяне похищением воровских людей... или волею Божиею лошадыми и скотом опадут или каким-либо другим случаем придут в скудость... то велеть тою деревнею... всеми крестьянами вспахать и собрать... на семена и посеять ту, скудных, землю, дабы они, скудны, от того в пущую нищету не пришли... А где [деревня] менее 15 дворов... осеменить нечем... то дополнить тот сев ис пустовытного хлеба после беглых крестьян».

Весьма существенным направлением борьбы с бедностью являлся запрет вотчинником разделов крестьянских дворов. Как известно, одним из самых больших увлечений в советской историографии был поиск социального расслоения крестьянства. Причем не в XIX в., когда такое расслоение стало реальностью, а в гораздо более ранний период. Между тем, как мы видели, спецификой крестьянского общинного быта было неперменное распределение земли по «душам» и тяглам. При этом многолюдная семья (неразделенные братские и отцовские семьи) с большим числом работников (то есть крестьян-тяглецов) имела больше земли и в конечном счете имела шансы стать богатой. Да и бедная семья с большим числом детей (особенно мальчиков) с течением времени обретала солидное количество рабочих рук и также могла быть зажиточной. Однако, в конце концов, в силу тех или иных причин такие многолюдные крестьянские дворы с неразделенными семьями делились, превращаясь в несколько малых семей, одנותяглых («одинаких») хозяйств.

Материал этой книги, надо полагать, с очевидностью показывает, что в условиях России и особенно Нечерноземья в XVIII–XIX вв. одנותягловое хозяйство обречено было либо на прозябание, либо на разорение. Недаром большинство крестьянских дворов — это двух-, трехтягловые хозяйства, где сосредоточено необходимое число рабочего и продуктивного скота и рабочих рук. При благоприятных обстоятельствах из таких дворов формировались зажиточные хозяйства.

* * *

Разумеется, не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать роль крепостного хозяйства и помещиков в создании и регулировании механизма выживания. Существеннейшую часть таких функций несли сами крестьяне-общинники. Община регулярно помогала своим членам, попавшим в прорыв в силу различных обстоятельств. Древнейшую традицию имел в России обычай помочей с его принципом «все у всех», с поочередной отработкой на других помочах. Единственная награда за труд на помочах — завершающее угощение. Коллективная помощь в этой традиционной форме распространялась на все виды сельскохозяйственных

работ (пахота, возка навоза, жатва, уборка льна, молотьба, сенокос, возка леса, дров, сборка и перевозка изб, постройка дома и т. п.).

Вместе с тем крепостное право играло важную роль в своего рода коррекции ментальных последствий влияния природно-климатического фактора на земледелие исторического ядра территории Российского государства.

Весьма сложные природно-климатические условия территории исторического ядра России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, связанных с высоким нервно-психологическим напряжением, имели своим следствием не только необычайное трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского характера и психологии, но и особенности, противоположные этим качествам.

Отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий не могло не вызвать определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян («на авось мужик и пашню пашет», «уродится не уродится, а паша» и т. д.), которые становились от этого отнюдь не проворными и трудолюбивыми.

В литературе XIX века не принято было активно обсуждать такие поведенческие особенности великорусского крестьянина, как небрежность в работе, отсутствие тщательности в ней и т. п. Между тем эта ментальность была заметным явлением, и прежде всего в среде барщинного крестьянства, то есть той категории населения страны, которая в условиях жесточайшей нехватки рабочего времени вынуждена была в первую очередь и в лучшие сроки работать на поле барина и в его усадьбе.

Приведем в пример одну из ярчайших, хотя и тенденциозных характеристик этой группы российских пахарей, написанную в середине XVIII столетия: «Должности (то есть должного уважения. – Л. М.) к государю (помещику. – Л. М.) и общей пользе не только не внимают, но и подумать не хотят. Лениость, обман, ложь, воровство будто наследственно в них положено... Господина своего обманывают притворными болезнями, старостию, скудостью, ложным воздыханием, в работе – лениостию. Приготовленное общими трудами – крадут, отданного для збережения прибрать, вычистить, вымазать, вымыть, высушить, починить – не хотят. В приплоде своего скота и птиц от неприсмотру поморя, вымышляя разные случаи – лгут. Определенные в начальство, в расходах – денег, а [в расходах] хлеба – меры не знают. Остатков к предбудущему времени весьма не любят и, будто как нарошно, стараются в разорение приводить. И над теми, кто к чему приставлен, чтоб верне и в свое время исправлялось – не смотрят. В плутовстве за дружбу и почести – молчат и покрывают. А на простосердечных и добрых людей нападают, теснят и гонят. Милости, показанной к ним в награждении хлебом, деньгами, одеждою, скотом, свободою, не помнят и вместо благодарности и заслуг в грубость и хитрость входят».

В свое время эти многообразные явления весьма емко были охарактеризованы как «социальные проявления антагонизма производственных отношений». Но здесь помимо проявления антагонизма ярко представлены и эмоции, и восприятия, и оценки крестьян и дворовых людей.

Главное же состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением и безразличное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи. В условиях безнадежной нерентабельности продукции Нечерноземья данное поведение весьма логично. В этом гигантском регионе крестьянский труд всегда был и сверхнапряженным, и непривлекательным, так как, по словам кн. М.М. Щербатова, «худым урожаем пуще огорчается и труд [свой]... в ненависть приемлет».

М.М. Щербатов, вполне понимая, что большая часть тогдашней России лежит в зоне неблагоприятного климата, считал, что внезапная отмена крепостного права (речь шла об

обсуждении в 60-х годах XVIII в. вопроса о крепостном состоянии крестьян) приведет к массовому оттоку крестьян, ибо они оставят неплодородные земли и уйдут в земли плодородные. «Центр империи, место пребывания государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников...»

Следовательно, крепостничество теснейшим образом связано с характером земледельческой деятельности российского крестьянства, оно органично свойственно данному типу социума, ибо для получения обществом даже минимума совокупного прибавочного продукта необходимы были жесткие рычаги государственного механизма, направленные на его изъятие. А для этого стал объективно необходимым и определенный тип государственности, который и стал постепенно формироваться на территории исторического ядра России.

Долгое время в нашей историографии, и прежде всего в трудах Б.Д. Грекова, проблема становления крепостного права решалась как один из вариантов «второго издания» крепостничества в странах к востоку от Эльбы. Разница была лишь в том, что страны к востоку от Эльбы действительно были втянуты в складывающийся европейский аграрный рынок, развитие которого стимулировалось развитием промышленного капитализма на Западе Европы. Что же касается Русского государства, то при отсутствии в XVI в. экспорта зерна историки выдвинули идею формирования внутреннего хлебного рынка, что вызвало к жизни такую форму феодального товарного хозяйства, как поместье. Рыночная функция поместья, в свою очередь, вызвала резкое усиление эксплуатации крестьянства в виде полевой барщины, что в конечном итоге привело к торжеству крепостного права. Отсюда происходил взгляд на крепостничество, как на «нисходящую фазу» феодализма в России, что привело к лихорадочным поискам «всероссийского рынка», начиная с XVII в., поискам капитализма и т. д. В этой связи представляется весьма необходимым уделить внимание специфике происхождения крепостничества в России.

О происхождении крепостничества

Поскольку крепостничество в России существовало в течение многих столетий, составляя одну из коренных особенностей русского феодализма, то причины возникновения крепостничества скорее всего следует искать не в пределах тех или иных конкретно-исторических ситуаций, а в факторах наиболее фундаментального характера, связанных с особенностями в становлении и развитии феодальных отношений, в частности феодальной земельной собственности и хозяйства.

К числу таких факторов мы в первую очередь должны отнести многовековое существование в России общины. Основной причиной жизнедеятельности русской общины была ее несравненно более важная, чем в Западной Европе, роль в организации земледельческого производства, что обусловило ее большую внутреннюю прочность и влияние. Главной предпосылкой к этому была, как уже говорилось, специфика природно-климатических условий.

Сравнительно большая производственная роль древнерусской общины, в отличие от германского варианта марки, давала лишь простор развитию имущественной дифференциации, основывающейся, главным образом, на накоплении движимого имущества. Пауперизация, вероятно, была обусловлена, в основном, лишь сравнительно низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве. Размах пауперизации сдерживался силами той же общины, и пошедший по миру крестьянин редко оставался без земли. В Древней Руси вследствие этих причин аллодиальное владение, на наш взгляд, как исторически значимое явление не состоялось.

Процессы классообразования в древнерусском раннефеодальном обществе характеризовались по преимуществу не разложением общины, а генезисом господствующего класса в недрах государственного аппарата (например, в лице дружинного компонента), поскольку государственность в Древней Руси, по всей вероятности, развивалась как внутренняя потребность жизнедеятельности «нации», т. е. совокупности восточнославянских племен в период завершения разложения первобытнообщинного строя.

Эволюция господствующего класса древнерусского общества – это трансформация «слуг народа» в кооперацию господ над народом, процесс необычайно медленный, занимавший огромный многовековой период. Лишь в завершающей фазе этот процесс был осложнен и форсирован волнами завоеваний и покорении соседних союзов племен и государственных образований, шедшими из исторического ядра Киевского государства.

В силу этого и феодальная эксплуатация в Древней Руси зародилась как эксплуатация земледельцев-общинников прежде всего государством. Важнейшим следствием стал феномен очень сильной государственной власти, а отсюда – и весьма раннее обладание атрибутом верховной собственности на землю в пределах государственной территории. Для подавления активизации и сопротивления общинного крестьянства, для извлечения необходимого объема совокупного прибавочного продукта нужна была весьма сильная, реальная власть господствующего класса в целом. Иначе говоря, на первый план исторически выдвигались задачи укрепления и консолидации феодального класса.

В Западной Европе могучим рычагом консолидации класса феодалов была система сложной феодальной иерархии. В условиях Древней Руси ограниченный размер совокупного прибавочного продукта общества делал нереальным создание сколько-нибудь сложной многоступенчатой феодальной иерархии в качестве ассоциации, направленной против производящего класса. Однако исторически эквивалентом этому был путь консолидации господствующего класса посредством усиления центральной власти, путем резкого возрастания вассальной (служебной) зависимости от нее каждого феодала. По сути это разновидность феодальной иерархии.

Как известно, такая цель была достигнута созданием московской великокняжеской властью статуса служилой вотчины, а главное, учреждением широкой системы поместных держаний. Немалую роль сыграли при этом внешнеполитические и оборонные задачи складывающегося единого Русского государства.

Итак, развитие поместной системы и установление статуса служилой вотчины имели своей целью создание монолитного, могущественного господствующего класса, способного в процессе повседневной эксплуатации крестьянства обескровить или нейтрализовать защитные механизмы общины.

Предложенная схема происхождения крепостничества в России отнюдь не исключает роли тех факторов, которые наиболее тщательно изучены в нашей историографии. Однако широкое развитие поместной системы, создавшее предпосылки к резкому повышению нормы эксплуатации, стремительный рост налогов, хозяйственный кризис и борьба за рабочие руки служили конкретно-историческими условиями, лишь форсировавшими процесс закрепощения. Основной же глубинной причиной была борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю в условиях общинного строя непосредственных производителей. Так создалось своеобразное единство противоположностей: неизбежность существования общины уравнивалась противовесом в форме наиболее грубого и жесткого варианта личной зависимости каждого отдельного члена этого организма.

В то же время исходным моментом, породившим это единство противоположностей, был комплекс специфических природно-географических условий, серьезно осложнявший пути извлечения совокупного прибавочного продукта.

Особенности генезиса капитализма в России

Сразу же оговоримся, что в настоящей работе затронута лишь тема влияния природно-климатического фактора на зарождение в России промышленного производства, ибо проблема генезиса капитализма – особая проблема, имеющая большую историографию.

В советской исторической литературе проблема генезиса капитализма в России всегда находилась в центре внимания исследователей. Причем в очень многих работах предлагались концепции раннего и сверхраннего развития капиталистических отношений. Особенно много некорректного было в изучении XVII столетия, пожалуй, наиболее многострадального времени в истории Русского государства со времени татаро-монгольского ига. Как известно, в Западной Европе генезис капитализма связан с периодом расцвета цеховой промышленности и городов. Иное положение было в земледельческой стране, как Россия, где примерно с 60-х гг. XVI в. шли (с незначительной паузой) волны многочисленных социальных потрясений и, что для нас сейчас особенно важно, хозяйственных разорении. В стране в конечном счете стал реальностью глубокий упадок земледелия, резко сократилась численность населения (особенно крестьянства), о чем свидетельствуют массовые данные писцовых книг.

Начало XVII столетия ознаменовалось новой волной ужасающего разорения, которым сопровождалась Смута. Описания писцов 20–30 годов XVII в. засвидетельствовали даже для этого времени огромное количество запустевших, едва заселенных территорий с распаханными клочками земли посреди перелогов, залежей и пашни, поросшей лесом. В ряде районов к 20–40 гг. XVII в. населенность была ниже уровня XVI века. Сплошной подсчет данных по пяти уездам Русского государства (Тверскому, Чернскому, Тульскому, Лихвинскому и Курмышскому) показал, что на 100 десятин бывшей и действующей пашни в 358 поместно-вотчинных владениях среднего для 20–40 гг. XVII в. размера (100–300 дес. «четвертной земли») приходилось максимум 7–8 душ муж. пола. Это в 4–5 раз превышало необходимый для более или менее нормального воспроизводства крестьянского хозяйства душевой размер площади пашенных угодий. По 12 центральным уездам на 20 тыс. крестьянских и бобыльских дворов приходилось 600 тыс. четвертной земли, куда входили пашня действующая, запущенная и сенокос. Такова была глубина спада и земледелия, и плотности населения. Ориентировочные подсчеты показывают, что даже к концу первой четверти XVIII в. населенность имений увеличилась лишь вдвое.

После изгнания интервентов и замирения казацких приставств государство столкнулось лицом к лицу с пустой казной и разоренной страной. Ликвидация последствий Смуты и восстановление хозяйства были главной задачей общества вплоть до второй половины XVII в. И тем не менее в нашей историографии уже по отношению к 40-м годам давались весьма оптимистические оценки уровня развития общества, ставились вопросы о развитии капиталистических отношений, о начале мануфактурной стадии в развитии промышленности, о начале формирования всероссийского рынка и т. д.

На самом же деле глубокий спад земледелия и резкое уменьшение земледельческого населения страны не могли не сказаться на уровне и темпах развития городов. Процесс общественного разделения труда едва себя проявлял, так как его активизация напрямую зависела от восстановления земледелия, роста плотности населения, создания условий для увеличения прибавочного продукта в земледелии и скотоводстве, для появления избытка сельского населения и переключения его в другие сферы жизнедеятельности. Лишь интенсивность таких процессов могла привести и к зарождению крупного производства с разделением труда внутри него. К сожалению, в первой половине XVII в. никаких естественно-исторических предпосылок ни для мануфактуры, ни для резкого роста ремесла в стране не было.

Русское правительство, понимая, что в любой момент страна может вновь стать жертвой сильных агрессоров в лице Швеции и Польши, лихорадочно предпринимало любые меры для восстановления армии, снабжения ее оружием и т. п. Отсюда жесткая финансовая политика и нажим фиска на города. В первой половине XVII в. они несли тягчайшее бремя регулярных налогов и повинностей, к которым систематически добавлялись чрезвычайные поборы. Это вызвало в середине века волну городских восстаний, направленных главным образом на борьбу за восстановление равномерности тяглового обложения черной посадской общины и так называемых беломестцев. Таким образом, лишь к середине XVII в. истощенная страна стала постепенно восстанавливать феодальную экономику. Однако впереди был еще нелегкий путь к подъему этой экономики. Правда, уже в 20-е годы XVII в. единичные районы, в определенной мере избежавшие опустошительных разорении в «смутное время», стабилизировали и развивали хозяйство. К ним частично можно отнести районы торгового пути от Ярославля на Вологду и далее водой до Архангельска. Но главным образом это было Нижегородское и Казанское Поволжье. Здесь активизировался процесс отделения промышленности от земледелия, на базе домашних промыслов развивалось мелкотоварное производство, формировались неземледельческие торгово-промысловые населения. Однако это развитие еще не могло компенсировать общего упадка экономики. Больше того, формирование торгово-промышленных поселений этого края в значительной мере было стимулировано перемещением в них посадского населения городов, бежавшего от непосильного гнета фиска.

Во второй половине XVII в. восстановление экономики не привело еще к сколько-нибудь существенным сдвигам в натурально-патриархальном укладе сельскохозяйственной экономики.

Как известно, капитал появляется главным образом в формах крупного производства только при особо благоприятных обстоятельствах, какие, например, сложились в конце XV – начале XVI века в некоторых странах Западной Европы. Там же, где таких условий не было, его появление связано прежде всего с необычайно медленным разложением ремесла и развитием мелкотоварного производства. Этот процесс порождает почти исключительно так называемые неадекватные формы капитала, т. е. такие формы, в которых он выступает не в противоположность труду: в мелком капитале и в промежуточных формах между прежними способами и классическим способом производства самого капитала. Формы мелкого капитала крайне неустойчивы и слабы прежде всего в силу дороговизны наемного труда, что лишает мелкого хозяйчика возможности капиталистического накопления, т. е. получения всего объема прибавочной стоимости при минимуме заработной платы наемного рабочего.

Именно такой характер развития, видимо, был свойственен России со второй половины XVII в. И здесь можно увидеть некоторое сходство процесса зарождения неадекватных форм капитала в России с аналогичным процессом в Англии второй половины XIV–XV вв., т. е. того времени, когда Англии еще не были присущи черты форсированного процесса первоначального накопления, обусловленного, главным образом, резким расширением рынка, интенсивным развитием экспорта, массовым развитием мануфактуры и т. п. В указанные нами периоды в той и другой стране зарождение капитализма носило спорадический, а следовательно, по выражению К. Маркса, «более или менее подчиненный» характер. Такая квалификация обусловлена тем, что неадекватные формы капитала не обладали качественной определенностью. Иными словами, он еще не породил адекватные ему законы капиталистического производства. Поэтому названные формы отношений в силу отсутствия их качественной определенности являются неразвитыми или «среднеразвитыми» формами. Спорадическое появление их в толще феодальной системы производственных отношений не сказывается сколько-нибудь существенно на развитии старого способа производства; они, так сказать, уживаются с ним. Разложение «старых экономически» отношений земельной

собственности» происходит лишь на микроуровне. Именно вследствие названных свойств неадекватных форм капитала хозяин и рабочий были социально близки друг к другу. Больше того, часть прибавочной стоимости попадала в руки рабочего и составляла традиционный фонд его потребления.

Начало же капиталистической эры практически связано лишь с появлением крупного производства в форме централизованной мануфактуры, ибо именно эта форма в конечном счете вызвала к жизни основные законы капиталистического способа производства, которые сначала были исторически ограничены и лишь с переворотом в механизме ценообразования получили полный простор действий.

* * *

В России второй половины XVII – начала XVIII в. неадекватные формы капитала, создающие социальную близость хозяйчика и рабочего, т. е. отсутствие противоположности труда и капитала, были обусловлены тремя важнейшими моментами. Во-первых, отсутствием сколько-нибудь существенных проявлений процесса экспроприации непосредственных производителей, следствием чего явился острый дефицит свободной рабочей силы. Во-вторых, господством краткосрочной системы вольного найма (поденщины) как в ремесленном, так и в мелкотоварном производстве. В-третьих, высоким уровнем оплаты труда свободного рабочего, оплаты, покрывающей или почти покрывающей всю стоимость его труда.

В данном случае мы выделяем лишь факт весьма высокого уровня оплаты труда ремесленника, причем прежде всего в форме сдельной и поденной оплаты. Это принципиально важно, так как фиксирует неблагоприятные условия присвоения мелким хозяйчиком прибавочного рабочего времени квалифицированного и малоквалифицированного непосредственного производителя. Эти невыгодные хозяйчику условия продиктованы двумя обстоятельствами:

дефицитом рабочей силы, обуславливающим высоту заработка, и краткосрочностью работ. Традиционный поденный найм всегда был обусловлен ограниченным реальным объемом работы, т. е. заказом, полученным ремесленником. Поэтому в кузнечном промысле, как, очевидно, и в других отраслях экономики, господствовала сдельная формы оплаты. В «сказках» 1702 г. по Устюжне Е.И. Заозерская встретила поденный найм всего лишь в трех случаях, остальные же были сдельными, т. е. определены реальным объемом заказа. Эпизодический характер найма иллюстрируется и формулой «сказок»: «в иное время (т. е. иногда. – Л. М.) в помощь нанимуют». При крупных срочных заказах, естественно, количество наймитов могло возрасти (в сковородном промысле могло быть, например, до 6 молотовых работников на одного «середового» и кузнеца). Но, подчеркиваем, реальные заработки свидетельствуют о непостоянстве таких тенденций. В Тихвине XVII в. бытовала практика, когда к кузнецам «приходя нанимуются на малое время временем ис пашенных людей, поряживаяютца молотом по какому кузлу побить дни на 2, и на 3, и на неделю или на две, волею, бес порядных записей».

Итак, отсутствие непрерывного производства в мелкотоварном производстве в сочетании с высоким уровнем оплаты свободного наемного труда создавало условия, неблагоприятные для самого важного процесса – накопления мелкого капитала. Это отнюдь не мешало широкому развитию ремесел и промыслов. Однако низкая прибыль в мелкотоварном производстве, в свою очередь, вела не к вложению торгового капитала в производство, а лишь к закабалению разного рода мелких ремесленников и промышленников торгово-ростовщическим капиталом.

Подобная ситуация лишала страну возможности удовлетворения ее государственных потребностей. Необходим был резкий скачок в техническом уровне производства. Он был,

как известно, достигнут в XVII в. путем правительственных усилий по созданию концессионных предприятий с привлечением иностранных капиталов.

Таким образом, закономерность появления крупного железоделательного производства несомненна, поскольку оно было порождено хозяйственно-политическими потребностями страны.

Крупное производство под опекой государства

Исходя из вышеизложенного, можно определить мануфактуры XVII в. как явление спорадического характера, понимая под спорадичностью не столько их численность, сколько изолированность их появления от общего уровня экономики страны. Они еще не были органическим порождением процесса общественного разделения труда внутри данного общества. Например, бумажные или стекольные предприятия работали на узкий рынок и способны были существовать только как крупные заведения. Что касается металлургических заводов, то ведь «кузнечная мельница» или «самоков» на казенном Пушечном дворе, созданный в 1624 г. иноземными мастерами, а также железоделательный доменно-молотовый комплекс Андрея Виниуса были построены еще в разоренной стране. Завод А. Виниуса, как и другие крупные железоделательные, т. е. доменно-молотовые комплексы XVII в., основаны были на капиталы иноземцев-концессионеров (Петра Марселиса, Андрея Бутенанта и Филимона Акемы) при мощной финансовой и государственной поддержке правительства и были явлениями особого рода.

Рассмотрение технологических особенностей работы металлургических заводов в середине XVII в. позволяет сделать несколько важных выводов. Разумеется, это крупное производство мануфактурного типа, поскольку там было внутрипроизводственное разделение труда. Однако весь механизм этот действовал с многочисленными сбоями и остановками. Перенесенный к нам из краев с ровным климатом, практически постоянным водным режимом (ведь в Западной Европе не бывает весенних половодий, не бывает зимнего падения уровня вод, не бывает и летнего падения этого уровня), этот механизм работал едва ли вполсилы. В итоге обычный годовой цикл состоял из 120–130 рабочих дней. При громоздком, дорогостоящем и сложном оборудовании, требующем огромных средств на ремонт и постоянное обновление, такая производительность изначально была убыточной. Непрерывные поломки, ремонт, ввод в действие новых блоков постоянно нарушали ритмичную работу основных высококвалифицированных специалистов.

Главное же состоит в том, что технологическая линия производства так и не была налажена. На завершающих стадиях изготовления изделий был постоянный дефицит специалистов. Единого слаженного комплекса, работающего на вольном найме, не получилось.

Важнейшим моментом, определяющим природу подобного производственного организма, была оплата труда. Уровень оплаты в области зарождающегося крупного производства был намного выше оплаты обычного ремесленника или простого поденщика. Так, в 1647 г. самые элементарные операции «черной работы» оплачивались не ниже 5 коп. в день («в анбаре глину толкли работников 4 чел., а имели найму по 2 алтына в день», «пожеги готовили и дрова на пожег носили и руду с возов на пожег сыпали и по пожегу уравнивали и от огня оберегали», «найму им по 10 денег человеку», «да на лесу работали с угольными мастерами у угольного зженья, русские ж люди, 22 человека, а найму де на сутки давано им по 2 алтына», «руду железную били и в горы носили и всякую работу работали, а имели де найму на сутки по 2 алтына»). При постоянной занятости в течение 50 недель, это могло бы составить для каждого годовой заработок в 15 руб. В России такой заработок имел квалифицированный ремесленник, да и то удачливый.

Работники с минимальным профессиональным навыком имели оплату еще выше. Так, «в вертельных пушки сверлили работные люди... имывали по уговору» от пушки по 25 коп., и по 18 коп., и по 15 коп. При обработке двух пушек в день дневной заработок составлял от 10 до 16 алт. (30–50 коп.). Это очень немалые деньги. При сверлении запалов уровень оплаты колебался от 10,5 коп. до 21 коп. в день. Подсобные работники у плавильного горна, у чана для пушечного и ядерного литья получали в сутки по 8 коп. Подсобные кузнецы – в

день по 10 коп. Плотник на заводах получал в год огромные для этой профессии деньги – от 30 до 45 руб. Занятость на всех подобных работах была 120–150 дней в году.

Наконец, труд специалистов высокой квалификации, выписанных из-за рубежа, оплачивался по невероятно высоким тарифам. Доменный мастер имел годовой оклад в 150 руб. (это, в частности, стоимость 15–19 срубов больших деревянных домов). Молотовые и кричные мастера получали 100–120 руб. серебром в год. Доменные подмастерья, дощатые мастера и подмастерья, меховые мастера, угольные мастера имели гарантированное годовое жалованье, размеры которого колебались от 30 до 120 руб. Управители, приказчики получали, естественно, еще больше. По сведениям Кильбургера, П. Марселлис главному управителю сверх годового жалования приплачивал еще 300 руб. (баснословные деньги!).

Причина столь высокой оплаты труда, видимо, не только в том, что на крупном, оснащенном вододействующими устройствами, производстве эффективность работы была много выше, чем в обычном ремесле. Сказывалась и острая заинтересованность государства в форсированном развитии такой промышленности, что позволяло завышать здесь оплату любого труда.

* * *

В первые четыре года XVIII в. началось энергичное строительство «железных заводов» на Урале. В 1700 г. начато строительство Невьянского и Каменского заводов. С 1702 г. стал действовать Уктусский завод (в 7 верстах от Екатеринбурга), чуть позднее, в 1704 г., Алапаевский «железный завод». На Уктусском заводе наряду с производством чугуна и железа была и выплавка меди. В 1704 г. в далеком Нерчинске был основан завод по добыче серебра из свинцовых руд, что имело громадное значение для развития экономики страны.

Железодельные заводы Урала были гораздо эффективнее, чем заводы Центра. Особенно ощутима разница в производительности уральских заводов, построенных государством в 1723–1725 гг. (Екатеринбургский «железный завод» на р. Исеть, Аннинский «железный завод». Толмачевский «железный завод»). Если на Олонецких заводах в домне в течение суток переплавляли около 200 пудов руды и получали около 50 пудов чугуна (а на тульских 100–120 пудов), то на Урале домна принимала за сутки около 500 пудов руды, получая при этом от 240 до 270 и более пудов чугуна. Секрет этого не только в увеличении размера доменных печей (вместо 4х4 саж. – 5х5 сажень), но и в качестве руды, которая на Урале была как минимум вдвое богаче железом олонечкой. Если в 1715 г. на Петровских заводах Карелии при 4-х домнах в год получали около 35,5 тыс. пудов чугуна, то на старейшем уральском Каменском заводе в 1704 г. при 2 домнах в год выходило 56,5 тыс. пудов чугуна.

К концу первой четверти века уральские заводы строились уже как сложные комбинаты. Так, на Екатеринбургском заводе помимо двух домен и фурмовых установок для механического дутья было три молотовых «фабрики» или цеха, стальной цех, железорезальный цех, плющильный цех (прообраз прокатного стана), проволоочный цех, две якорных «фабрики», лудильный цех, меховой цех, пильная мельница и разные вспомогательные службы. Кроме того, тут же было и медеплавильное производство (четыре печи, «платной двор», «прорезная фабрика», делавшая заготовки пятикопеечных монет).

В первые годы строительства крупных металлургических предприятий основным резервом неквалифицированной рабочей силы был свободный наемный труд. К 20-м годам резервы для свободного наемного труда были исчерпаны: ведь в стране, получающей низкие валовые урожаи, почти всегда существовала постоянная острая потребность расширения сферы земледелия и увеличения числа земледельцев-крестьян. Рынок труда в области промышленности практически отсутствовал. Во время строительства уральских заводов в 1723–1725 гг. генерал-лейтенант В. де-Геннин, ведущий и возглавлявший это строительство,

привлекал к нему военные подразделения и наемных рабочих. В итоге «как оные солдаты, так и работники сперва много от работы бегали, и дошло было до того, что одного генерал-лейтенанта в том пустом месте при строении едва не одного оставили».

Ведь в Западной Европе первые мануфактуры появились в крупных эмпориях, огромные торговые обороты которых способствовали концентрации больших масс индивидов, выброшенных судьбой из привычной колеи жизни. В крупнейших портах зарождалась сложная инфраструктура, стимулирующая развитие промышленности и общественное разделение труда.

В России же само строительство огромного по тому времени числа металлургических заводов велось не в местах сосредоточения пауперизированных масс (крупные речные пристани и города), а в местах, где были залежи железной руды, причем часто глухих и весьма отдаленных. Форсированное строительство заводов на Урале и в Европейской России, вложение огромных средств, в конце концов, пришло в тупик, ибо имевшийся в стране резервный слой маргиналов, «гуляющих людей» и т. п. был исчерпан примерно за два десятилетия. Поэтому вполне логичным был тот момент в развитии событий, когда под напором требований заводоладельцев в 1721 г. им было разрешено покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян, а в 1736 г. все вольнонаемные заводские работные люди превращены были государством в «вечноотданные» к фабрикам и заводам (много позже, в XIX в., они получили название «посессионных»).

Итак, форсированное строительство крупного производства путем заимствования «западных технологий» таким социумом, как Россия, дало вместе с тем суровый социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые «варварские» формы феодальной зависимости. Эпоха преобразований породила огромный контингент людей, являющихся принадлежностью фабрики и продающихся из поколения в поколение вместе с этой фабрикой. От классического рабства это, не классическое, отличалось лишь тем, что фабрикант не мог убить «посессионного крестьянина», В сущности же можно сказать, что в конечном счете «производственные отношения» в каком-то отношении пришли в соответствие с «производительными силами», так как производительные силы – это не машина или оборудование, а социум на определенном этапе развития. Этот социум, в основе жизнедеятельности которого лежало земледелие и скотоводство, едва покрывающие потребности страны, обречен был выжимать совокупный прибавочный продукт жесточайшими политическими рычагами насилия, этот социум неизбежно «усвоил» (подмял) и новые технологии под господствующий уклад хозяйственных отношений. К такого рода процессам абсолютно неприменимы понятия «реакционный», «консервативный» и т. п., так как они были проявлением объективной необходимости, логикой развития данного общества.

Важно отметить, что применение промышленного труда на крепостной основе, совершающееся путем резкого возрастания эксплуатации крестьян при неременном сохранении за ними земледельческого производства, открыло возможности для своеобразного варианта развития процесса общественного разделения труда. Сочетание земледельческого и промышленного труда стало не временным переходным состоянием для крестьянина, как это обычно бывало в Европе, а утвердилось более чем на вековой период и сохранилось даже после 1861 г. Такова важнейшая специфика развития социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Характеристика российской государственности

1. Итак, природно-климатический фактор имел *важнейшее* влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития тех или иных его социальных формирований, охватывающих племена или народы, или целостные государственные образования и государства. Причем это влияние прослеживается не только в том случае, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, страны долин Нила, Двуречья, с одной стороны, и страны Европы, с другой), но и при отсутствии столь резкого контраста (например, Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае, когда речь идет о зарождении древнейших цивилизаций в условиях Двуречья, на многие тысячелетия обгонявшем темпы и характер развития первых цивилизаций на Севере Европы и т. д. Разница в темпах развития человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно-экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идет о разных типах феодального общества, о разных темпах их развития.

2. Как было показано выше, важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь. Это не бросающееся в глаза в суете повседневной жизни различие носит между тем фундаментальный характер, поскольку столь серьезная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей радикальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и Востока Европы.

На Западе Европы это обстоятельство обусловило на заре цивилизации интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину лишь как социальную организацию мелких земельных собственников-земледельцев. Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало раннее появление частной собственности на землю, активное вовлечение земли в сферу купли-продажи, появление возможности концентрации земельной собственности, формирование крупной феодальной земельной собственности.

Результатом подобной эволюции было становление своеобразного типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль такого государства даже в создании так называемых *всеобщих условий производства* всегда была минимальной. При подобном типе эволюции центр тяжести развития всегда был как бы «внизу»: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была свойственна максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функции.

В конечном счете, именно отсюда происходило удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, сравнительно раннее развитие науки. Нет необходимости упоминать о фундаментальном основании этих процессов: быстром и широком развитии ремесла и торговли, раннем формировании капитализма и т. д.

Разумеется, мы, выделяя лишь основную тенденцию подобного типа развития, не должны забывать и о конфликтности ситуаций, возникавших в разное время в сложном пере-

плетении национальных, конфессиональных и политических интересов групп, сословий, слоев и народов.

3. В пределах Восточно-европейской равнины необычайная кратковременность цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малоплодородных почв. В таких условиях для получения минимального результата необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ. Так называемые «ритмы климата» в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Усугубляло ситуацию и отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота, необходимые объемы которого намного превышали подобные заготовки других регионов и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных.

Следствием этого была невысокая агрикультура, низкая урожайность и низкий, в конечном счете, объем совокупного прибавочного продукта общества вплоть до эпохи механизации и машинизации этого вида труда. Все это, казалось бы, создавало условия для многовекового существования в этом регионе лишь сравнительно примитивного земледельческого общества.

4. Вместе с тем потребности более или менее гармоничного развития социума выдвигали к жизни, порождали своего рода компенсационные механизмы выживания.

Крайняя слабость индивидуального парцелльного хозяйства в условиях Восточно-европейской равнины была компенсирована громадной ролью крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности.

Ограниченный объем совокупного прибавочного продукта в конечном счете создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного разделения труда. Однако задача гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Но на путях этой «оптимизации», т. е. объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община – оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее жестокие и грубые механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда появление режима крепостничества, сумевшего нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В свою очередь, режим крепостничества стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия.

5. Российское самодержавие имеет глубокие исторические корни. Суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия. Существенная ограниченность объема совокупного прибавочного продукта в конечном счете диктовала и

сравнительно ограниченную на первых этапах численность складывающегося господствующего класса. Больше того, сам облик этого класса на ранних этапах древнерусской государственности был военизированным. Ведь чем меньше объем прибавочного продукта, создаваемого обществом на ранних его этапах, тем сильнее проявляется роль насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. Кроме того, длительное время даже в условиях существования раннеклассового общества и государства война все еще продолжала сохранять функции своеобразного «средства производства». Больше того, она в этом качестве спорадически выступала много позже даже у казачьих общин, сотрудничающих с обществом, обладающим минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. На ранних этапах государственности для обычных налогово-управленческих и даже полицейских форм время еще не пришло. И потребности управления вызвали к жизни такое явление, как полюдье.

Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта, видимо, очень рано обнаружило тенденцию к универсальности своих функций, к перерастанию их из чисто налоговых в общегосударственные. Отсюда, вероятно, можно предположить и раннее зарождение судебных функций полюдья, и исключительность даннических видов взимания ренты на ранних этапах развития феодальной государственности, когда рента и налог слиты вместе в единое целое. Вполне возможно, что полюдье представляет собой и наиболее раннюю, зародышевую форму проявления верховной собственности на землю.

В то же время сама форма полюдья как форма «странствующей» государственной машины также была непосредственным следствием общей ограниченности объема совокупного прибавочного продукта. К тому же общая его ограниченность усугублялась специфически экспортной формой его весьма существенной по объему части (воск, мед, меха и т. п.), что вызывало громадные государственные и людские издержки при его сбыте, превращающиеся, по словам Константина Багрянородного, в «многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание» в Византию.

Динамичность «странствующей» государственной машины в немалой степени содействовала становлению такого типа феодального государства, в котором, по крайней мере в период полюдья, глава его был конкретным вершителем дел на местах. Подобное положение явно способствовало сосредоточению в его руках огромной власти и энергичному совершенствованию механизма изъятия и централизованного перераспределения ограниченного по объему совокупного прибавочного продукта. Видимо, так же как и в центрально-европейских государствах, важную роль сыграла при этом созданная раннефеодальным государством система, получившая в новейшей историографии название «служебной организации», важнейшей функцией которой было обслуживание потребностей господствующего класса. Такого рода структуры были призваны создать альтернативу системе крупного феодального землевладения и укрепить тот тип государственности, где дуализм, то есть соотношение частнособственнических тенденций и элементов общественного землепользования, был в относительном равновесии. Итогом всех этих существенных особенностей развития восточнославянского социума был тот специфический строй, который в нашей литературе получил определение «государственного феодализма».

Важнейшим элементом такого строя был институт власти-собственности», обнаруживающий себя, в частности, в синкретизме институции «князь» (с одной стороны, это глава государства, персона, а с другой стороны, это само государство, его казна и т. д.). Видимо, в Киевском государстве в первый период его существования в силу этого не было и княжеского домена. Передача наследства сыновьям киевского князя – это передача власти-собственности в виде удела, во главе которого наследник становился суверенным главой, со всеми имущественными следствиями. Это обстоятельство и вызвало столь странную так называемую

феодалную раздробленность», при которой сложилась иерархия удельных князей, очередность восхождения их на киевский стол, единое законодательство.

И только спустя столетия, после укоренения киевских наследников в Севере-Восточной Руси, в механизм деления «власти-собственности» включаются и элементы действительного процесса феодальной раздробленности, в конце концов погубившего Древнюю Русь.

6. Возрождение русской государственности проходило в многовековой и мучительной борьбе как с иноземным тягчайшим игом, так и бурно развившейся феодальной раздробленностью.

И вновь объективная реальность существования русского социума в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы включила в действие по сути дела те же механизмы самоорганизации общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности. В системе «государственного феодализма» верховная собственность на землю оставалась у государства, а крестьяне были «держателями» земли, обязанными перед государством: налогами, оброком и натуральными повинностями. В отдельных регионах в определенные эпохи такая «государственная земля» могла превращаться в фактическую собственность «государственных крестьян», оставаясь при этом всегда в орбите экономических отношений внутри этого сословия. И даже в XIX веке государь особо не различал домен и государственные земли (например, «симбирский обмен» 1835 г.).

Что же касается феодалов, то в их распоряжении всегда была лишь часть территории Русского государства, хотя и важнейшая часть. На заре государственности длительный период времени они имели на правах частной собственности лишь села-усадыбы, то есть основные резиденции, где были жилище и хозяйственный комплекс. Большая же часть средств к существованию феодала поступала через государственные каналы.

В послемонгольский период феодальное землевладение развивалось, видимо, быстрыми темпами, но обладало малым запасом прочности. Будучи, как правило, дарованным феодалу государством, население того или иного села или деревни относилось к нему не как к хозяину, а как к господину, насильно владеющему землей и строениями и вынуждающему крестьян платить ему оброк и нести повинности. На Руси долгие столетия владельческие крестьяне, объединенные в общину, считали землю, на которой живут, платят с нее налоги и выполняют повинности, по сути дела, своей землей, а не землей феодала, на которую они бы добровольно пришли и которую обрабатывали бы, вознаграждая феодала-хозяина за кров и ту же землю. Следовательно, здесь не было своего рода равновесия отношений крестьянина и вотчинника. Именно это равновесие и создавало на Западе Европы тот баланс взаимных интересов крестьянина и феодала, который придавал сеньории известную прочность. И эта прочность была тем выше, чем тверже были права феодала на землю.

Наследники Ивана Калиты вполне понимали непрочность результатов многотрудной деятельности московских князей по приращению территории Великого княжества Московского, по созданию единого государства. Видимо, не следует переоценивать и такой фактор, стимулирующий объединение княжеств, как рост торгово-экономических связей, хотя, безусловно, он имел немалое значение. Решающим же обстоятельством, стимулировавшим объединение княжений, конечно, были задачи политического характера: свержение ордынского ига и воссоздание Русского государства. Однако по достижении этой цели в конце XV – начале XVI века (разумеется, в первом приближении к ней) политическая элита, видимо, осознала реальную ограниченность во времени действенности этих факторов: ведь их влияние как стимулов к объединительной деятельности для тысяч феодалов неизбежно ослабля-

лось по мере реализации этих целей. На первый план резко выдвинулись задачи упрочения, цементирования нового политического формирования, в котором по-прежнему общество оставалось внутренне рыхлым, непрочным, как любое феодальное общество, где еще не созрели условия для внутренней относительной прочности каждой вотчины, где еще не возникла новая система феодальной иерархии, которая сплотила бы господствующий класс.

7. Исторически выход был найден в форсировании развития условной формы феодального землевладения – той формы, которая, будучи конституированной государством, влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли этого государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, от центральных властей, сделав факт обладания землей лишь следствием его верной службы (и прежде всего военной и государственной) великому князю Московскому, а позднее царю. Больше того, примерно с середины XVI века и обладание вотчиной было для каждого феодала обусловлено службой царю, хотя вотчина по-прежнему была несравненно более полной формой собственности, чем поместье.

Наиболее стремительные темпы преобразования земельной собственности феодалов характерны, с одной стороны, для последней трети XV века, с другой – для эпохи правления Ивана IV. Присоединение к Москве Великого Новгорода закончилось массовой ликвидацией огромного количества вотчин, выселением их бывших владельцев в другие районы страны и насаждением в новгородских землях почти сплошь поместной формы землевладения, хотя на первых порах обладатели этих поместий не всегда ощущали себя уже не как вотчинники. Точно так же и в правление Ивана Грозного феодальное землевладение, принципы которого были теперь укреплены и упорядочены реформами 1550-х годов, стремительно развивалось именно как поместное землевладение. Думается, что столь скоротечные и широкомасштабные преобразования были бы где-нибудь на Западе Европы просто невозможны. И не потому, что Западу была несвойственна жестокость Грозного, а потому, что там сильнее была сословная корпоративность дворянства и прочнее была внутренняя устойчивость сеньории. Кроме того, за плечами грозного царя была и могучая система «государственного феодализма».

8. Энергичный, насильственный характер указанных реформ земельной собственности, проводившихся, в частности, во второй половине XVI века с особой жестокостью, повлек за собой серьезные осложнения внутрисоциальной и экономической жизни страны. В свою очередь, и сами они были усугублены войнами, которые вел Иван Грозный. В итоге страна шаг за шагом вползала в тяжелый экономический и социальный кризис, сопровождавшийся упадком хозяйства, голодом, запустением и т. п.

Резкое и стремительное выдвижение помещичьего класса на ведущую роль в государстве подогрело политические амбиции казачьей прослойки общества. С прекращением царствующей династии Рюриковичей в конечном счете в стране в начале XVII века началась жестокая борьба за место в среде господствующего класса-сословия, отягощенная бурным выступлением социальных низов. Это была своего рода «гражданская война», известная в литературе как эпоха «Смуты».

Тяжелейшее для страны время кончилось наступлением мира в 1618 г., когда вероломные интервенты ушли с русской земли. Однако народ остался один на один с чудовищными последствиями смуты, с громадным оскудением населения, катастрофическим падением его численности, и не менее катастрофическим сокращением пашни и т. д. Лишь к 50—70-м годам XVII века основные последствия разрухи страны были преодолены. Однако печать этой трагедии русского народа оставила неизгладимый след, ибо уровень духовного развития России в XVII в. был уже иным.

И тем не менее, кардинальные цели господствующего класса даже в условиях жесточайшего кризиса были решены. Созданы были основы жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта. Внедрена была система поместной формы землевла-

дения. К первой половине XVII в., по мнению ряда исследователей, поместья составляли уже около 60 % всего частновладельческого фонда земель.

Несмотря на явное стремление владельцев поместий превратить их в вотчины и избавиться от экономической неэффективности поместий как формы хозяйства, ярко обнаружившей себя в годы кризиса, буквально все правительства России, оберегая общество от новых потрясений, явно уклонялись от каких-либо кардинальных решений и не форсировали обратного преобразования поместий в вотчины. Слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы самодержавной неограниченной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства. В конечном счете переход поместий на статус вотчины был растянут на период, занявший более столетия. Более мощные хозяйственные потенции вотчины, обнаружившие себя в период упадка экономики после Смуты, и прежде всего явные предпочтения крестьян, отдаваемые этой форме хозяйства, стали основой крепостничества не только как жестокой формы эксплуатации, но и вместе с тем как системы выживания на основе отношений патернализма в неблагоприятных условиях жизни российского социума. Будучи слитой с крестьянской общиной, она положила начало прочнейшему режиму самодержавного государства.

9. Характернейшей особенностью российской государственности являются ее хозяйственно-экономические функции. Как уже говорилось, потребность в деспотической власти была первоначально обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом и внешней опасностью), а потом и экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества – это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленно-промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии и их отсутствие в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». В XVI–XVII вв. это строительство пограничных крепостей-городов, строительство оборонительных циклопических сооружений в виде засечных полос, строительство крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств сооружения тех же засечных полос, в XVIII в. на первый план выступает необходимость строительства огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и т. п. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без особого государственного сектора экономики совершить все это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, огромных территорий функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории.

Реализация всех этих функций в конечном счете не может не вызвать эмоции изумления, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования государственной настройки над компонентами базисного характера. Речь идет о том, что даже в петровскую эпоху господствующий класс в лице так называемого неподатного населения составлял не более 6–7 % от населения страны. А ведь основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей структуры самоорганизации общества (административное и хозяйственное управление, судебное-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культурная и идеологическая функции и т. п.). Столь незначительная чис-

ленность этого слоя (а к концу XVIII в. она была такой же и лишь к реформе 1861 г. достигала едва 12 %) ярко символизирует крайнюю упрощенность самой российской системы самоорганизации российского общества. И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи (когда этот слой был еще меньше) резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги, несущие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая роль общины усиливала ее как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счете необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении.

Весьма длительный в условиях России процесс правового и фактического укрепления феодальной земельной собственности, тем не менее, далеко не всегда давал желаемые результаты – то есть доведение земельного владения дворянина до нормы полноправной частной собственности (с учетом того, что эта собственность феодальная).

Скорее всего, здесь вновь решающую роль сыграли неистребимые традиции крестьянского общинного землевладения и землепользования. Ведь в практической жизни феодал-земледелец всегда подчинялся традициям в системе землепользования. В частности, это хорошо известная в литературе система «открытых полей», когда на сжатое поле феодала или крестьян выгонялся скот без различия его принадлежности. Это и обычай подчинения феодала действиям общины при ведении севооборота. А ведь еще бывали общие выпасы, общие леса и т. п. Писцы еще в XVI–XVII веках частенько отводили сразу нескольким помещикам один и тот же лес в общее владение и пользование.

При дроблении владения между наследниками порядки землепользования часто почти не менялись. Хозяйства, крепко связанные общиной, были намертво соединены и между собой. Разумеется, иногда владельцы разрушали и общины. Но в целом в течение времени число совладельцев, связанных одной крестьянской общиной, все-таки росло. Генеральное межевание их не ликвидировало, оставляя неприкосновенными общинные устои землепользования. Затеянное в 30–40-е гг. XIX в. так называемое Специальное межевание лишь медленно справлялось с задачей размежевания «общих дач». Проблема продажи и передачи имений, юридически оформленных в «общую дачу», была делом далеко не простым. Недаром статус дворянина в XVIII–XIX в. измерялся не числом десятин его земельного владения, а числом крепостных душ. Истоки этих особенностей феодально-корпоративной собственности идут к общине и к статусу российского социума как социума с низким объемом совокупного прибавочного продукта.

Вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства не способствовали вызреванию сколько-нибудь твердых традиций частной собственности на землю.

Это, видимо, составляло на протяжении большого периода важнейшую особенность российской государственности. Не исключено, что эта особенность надстройки общества во многом предопределила и специфику положения иных народов России, которое было нередко более благоприятным, чем положение русских.

10. Констатация примитивности структур самоорганизации российского общества позволяет подчеркнуть парадоксальность успеха ряда выдающихся эпох в его истории. Прежде всего это эпоха Петра Великого. Великий преобразователь сделал гигантский вклад в создание могучей России. В тщетных назиданиях непутевому сыну своему он подчеркивал, в частности, трагичность распада Византийской империи: «не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием (своим. – Л. М.) побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал».

Главное свое достижение он гордо назвал Империей. Однако это был, скорее, некий «симбиоз» империи и деспотии, социально-политический организм, где центральное звено – Великороссия и ее крестьянство – не имело практически никаких привилегий.

В подобного рода государстве, чисто формально выглядевшем как империя, а по существу представлявшем своего рода сожительство целого ряда обществ (и этносов) с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, основным источником изъятия этого прибавочного продукта был носитель этой государственности – русский народ. Наибольшая тяжесть эксплуатации падала на великорусов, и это было следствием суровой объективной реальности, то есть локализации этноса в зонах, крайне неблагоприятных для земледельческого производства. Поэтому именно русские люди и отчасти малороссы, остро нуждавшиеся в расширении хозяйственного пространства, шли на Юг, Юго-Восток и Восток, на необжитые территории в поисках лучшей доли, вступали в контакты с другими народами.

Противоположная ситуация, то есть утверждение привилегированного положения русских как «имперской нации» в российском социуме как обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, в условиях сохранения многонационального государства была исторически нереальна.

Великий вклад великого преобразователя – Петра I – создание в государстве промышленного производства, способствовавшего гигантскому скачку в развитии производительных сил страны. Однако заимствование «западных технологий» таким архаическим социумом, как Россия, дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые суровые формы феодальной зависимости, появились люди, являющиеся принадлежностью фабрики и продающиеся вместе с ней. К сожалению, уроки истории редко учитываются политиками. На заре нашей государственности Владимир Святославич, принимая христианство, ввел в действие на Руси и византийский уголовный кодекс (своего рода «западная технология»), но дело кончилось крахом, и кодекс был отменен.

В то же время нельзя не признать, что чисто эволюционное развитие в весьма своеобразных природно-климатических условиях имело своим результатом лишь веками бытовавшие слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им относительно высоким уровнем оплаты труда, господством подневной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления и расширения производства. В силу этого уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал в России размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами.

Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стало развиваться прежде всего крупное промышленное производство и набирать силу процесс его очень ранней монополизации. Думается: что природно-географический фактор и в первую очередь необъятное пространство России сыграли в этом далеко не последнюю роль.

Западные пристрастия великого царя не в последнюю очередь были вызваны последствиями Смуты, так как, скажем, первая половина XVI в. известна выдающимися достижениями русской православной культуры, а XVII век был совсем иным.

Более гибка была парадоксальная политика Екатерины Великой, положившая конец традиционной политике «насилованного» посословного «разделения труда». Четко осознавая бедственное положение крестьян на территории исторического ядра России, она развернула широкую кампанию законодательного поощрения крестьянской торговли и промышленности. Но поскольку продукция земледелия Нечерноземья оставалась общественно

необходимой, то удержать крестьянские массы на земле можно было только общим усилением режима крепостного права.

Тем не менее в периоды правления Петра I и Екатерины II были проведены колоссальные по эффективности преобразования в виде резкого подъема промышленности, наращивания военной силы государства и, что особенно важно, создания пространственно-географических условий экономического развития страны. Наряду с народом-тружеником, с крестьянством, немалую роль сыграло здесь и сплоченное царем российское дворянство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.